Дата поступления рукописи в редакцию: 07.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-564-571

БУДАКОВ Темур Авдулбакыевич,
Аспирант 1 курса направления подготовки 5.1 Право,
Южно-Российский институт управления- филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: y.temur@ya.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА ГРАЖДАН: СООТНОШЕНИЕ РЕАБИЛИТАЦИОННОЙ И КРЕДИТОРСКОЙ ЦЕЛЕЙ

Аннотация. *В статье исследуется вопрос о конституционно-правовом целеполагании института несостоятельности (банкротства) граждан.*

Обосновывается, что действующая российская модель сочетает элементы реабилитации добросовестного должника и коллективной защиты имущественных интересов кредиторов, однако не содержит достаточно ясного нормативного выражения соотношения указанных целей. Такая неопределенность усиливает риск смещения процедуры в сторону формального пополнения конкурсной массы даже в тех делах, где экономический эффект минимален, а затрагиваемые права должника и членов его семьи имеют повышенную конституционную значимость. На основе анализа Конституции Российской Федерации, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, практики Верховного Суда Российской Федерации, а также авторской эмпирической выборки дел о банкротстве граждан формулируется вывод о необходимости рассматривать банкротство граждан как институт на стыке частного и публичного права. В работе разграничиваются санкционная, реабилитационная и смешанная модели цели института, доказывается конституционная предпочтительность смешанной модели, при которой реабилитация добросовестного должника и защита имущественных прав кредиторов рассматриваются не как взаимоисключающие, а как взаимосвязанные элементы единой правовой конструкции. Предлагается авторская редакция специальной нормы для статьи 213.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», закрепляющей социально-экономическую реабилитацию добросовестного гражданина и справедливое, соразмерное удовлетворение требований кредиторов в качестве взаимосвязанных целей процедуры. Делается вывод о том, что нормативная фиксация цели института способна повысить предсказуемость правоприменения, дисциплинировать судебную мотивировку и снизить риск несоразмерного вмешательства в жилищные, семейные и иные социально значимые права.

Ключевые слова: *банкротство граждан, конституционное право, целеполагание, добросовестный должник, реабилитация, права кредиторов, соразмерность, правовая определенность, жилищные права, защита семьи.*

BUDAKOV Temur Avdulbakievich,
1st year postgraduate student in the field of Law 5.1
South Russian Institute of Management,
a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Rostov-on-Don

CONSTITUTIONAL AND LEGAL GOAL-SETTING OF THE INSTITUTION OF BANKRUPTCY OF CITIZENS: THE RATIO OF REHABILITATION AND CREDITOR GOALS

Annotation. *The article examines the issue of the constitutional and legal goal-setting of the institution of insolvency (bankruptcy) of citizens. It is proved that the current Russian model combines elements of*

rehabilitation of a bona fide debtor and collective protection of creditors' property interests, but does not contain a sufficiently clear normative expression of the correlation of these goals. Such uncertainty increases the risk of shifting the procedure towards formal replenishment of the bankruptcy estate, even in cases where the economic effect is minimal and the affected rights of the debtor and his family members are of increased constitutional importance. Based on the analysis of the Constitution of the Russian Federation, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the practice of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the author's empirical sample of bankruptcy cases, the author concludes that it is necessary to consider bankruptcy of citizens as an institution at the junction of private and public law. The paper distinguishes between the sanctioning, rehabilitation and mixed models of the institution's purpose, proves the constitutional preference of the mixed model, in which the rehabilitation of a bona fide debtor and the protection of creditors' property rights are considered not as mutually exclusive, but as interrelated elements of a single legal structure. The author's version of the special norm for Article 213.1 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" is proposed, which establishes the socio-economic rehabilitation of a bona fide citizen and fair, proportionate satisfaction of creditors' claims as interrelated objectives of the procedure. It is concluded that the normative fixation of the institute's purpose can increase the predictability of law enforcement, discipline judicial motivation and reduce the risk of disproportionate interference in housing, family and other socially significant rights.

Key words: *bankruptcy of citizens, constitutional law, goal setting, bona fide debtor, rehabilitation, creditors' rights, proportionality, legal certainty, housing rights, family protection.*

Введение

Институт несостоятельности (банкротства) гражданина за последнее десятилетие превратился в один из наиболее востребованных механизмов разрешения долговых кризисов. Одновременно он оказался в зоне повышенного конституционно-правового напряжения. В рамках одной процедуры пересекаются право собственности кредиторов, интересы гражданского оборота, достоинство личности должника, принцип социального государства, право на судебную защиту, а в ряде случаев - право на жилище и гарантии семьи, материнства и детства. По этой причине банкротство граждан нельзя рассматривать только как специальную разновидность конкурсного распределения имущества. Оно представляет собой правовой механизм, в котором всякий значимый шаг - от введения процедуры до завершения дела - должен соотноситься с вопросом о том, ради какой цели допускается ограничение конституционных прав гражданина - должника и где проходят пределы такого ограничения.

Для современной российской модели характерна важная особенность: цель банкротства гражданина не названа в законе с той степенью ясности, которая позволяла бы рассматривать ее как рабочий ориентир для суда, финансового управляющего и участников дела. С одной стороны, наличие института освобождения от обязательств очевидно указывает на реабилитационную направленность. С другой стороны, структура процедуры, набор ограничений и интенсивность споров по поводу конкурсной массы создают устойчивое впечатление, что в практическом измерении институт нередко функционирует преимущественно как механизм мобилизации имущественного ресурса. Именно в этой точке возникает проблема целеполагания: пока закон и практика не дают ясного ответа, что в процедурах банкротства граждан является основным смыслом вмешательства, возрастает риск формализма, автоматизма и несоразмерных решений.

В юридической литературе вопрос о целях банкротства обычно рассматривается либо в плоскости частноправового баланса интересов должника и кредиторов, либо через экономическую функцию института. Между тем для дел о банкротстве граждан такой подход недостаточен. Он не позволяет в полной мере объяснить, почему в социально чувствительных узлах - прежде всего в вопросах, связанных с единственным жильем, средствами к существованию, интересами несовершеннолетних, - обычная логика конкурсной массы сталкивается с конституционно значимыми пределами. Не менее важно и то, что без четкого представления о цели института невозможно выстроить внятную модель соразмерности ограничений, а значит, и добиться единообразия судебной практики.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выявить конституционно-правовой смысл целеполагания банкротства граждан, разграничить основные модели его нормативного понимания и обосновать необходимость законодательного закрепления сбалансированной цели процедуры. В качестве исходного тезиса принимается следующее положение: конституционно корректное целеполагание института банкротства граждан должно соединять реабилитацию добросовестного должника и справедливую защиту имущественных прав кредиторов, не превращая ни одну из этих задач в абсолют.

1. Банкротство граждан как институт на стыке частного и публичного права

Конституционно-правовой анализ института банкротства граждан следует начинать с его двойственной природы. По своему ближайшему юридическому материалу банкротство связано с обязательствами, имуществом, риском неплатежеспособности, конкуренцией частных требований, то есть принадлежит сфере частного права. Однако по способу организации, по интенсивности вмешательства в правовое положение гражданина и по последствиям для его статуса этот институт давно вышел за рамки сугубо частноправовой конструкции. Судебная форма процедуры, обязательность коллективного режима удовлетворения требований, публично значимые ограничения поведения должника, участие финансового управляющего как процессуально самостоятельной фигуры, а также последствия завершения процедуры свидетельствуют о выраженном публичном компоненте банкротства граждан.

Указанная двойственность не является лишь академической характеристикой. От нее напрямую зависит ответ на вопрос о целях института. Если рассматривать банкротство исключительно как частноправовой механизм перераспределения имущественных потерь, естественным центром всей конструкции станет максимизация удовлетворения требований кредиторов. Если же признать, что процедура затрагивает базовые конституционные блага - достоинство, минимально допустимые условия существования, устойчивость семейной среды, жилищную обеспеченность, - то модель целеполагания неизбежно становится более сложной. Тогда интерес кредитора остается значимым, но он уже не может служить единственным критерием оценки правомерности ограничений.

Именно поэтому для банкротства гражданина неприменима редукция к «усиленному взысканию». Взыскание как обычная частноправовая реакция на нарушение обязательства не предполагает того объема вмешательства, который характерен для банкротства. Несостоятельность гражданина затрагивает не только имущественную сферу, но и общий правовой статус лица, возможности его участия в экономической жизни после завершения дела, а в социально чувствительных ситуациях - интересы членов семьи, которые не являются стороной долгового обязательства. Следовательно, банкротство граждан должно оцениваться как институт на стыке частного и публичного права, что, в свою очередь, требует специального режима правовой определенности, повышенного стандарта мотивировки и более строгой проверки целей вмешательства.

Такой подход находит опору и в конституционно-судебной интерпретации природы банкротства. Конституционный Суд Российской Федерации еще в более ранних позициях указывал на публично-правовой характер законодательства о несостоятельности, подчеркивая, что его задача не исчерпывается урегулированием частного конфликта, а связана с организацией справедливого баланса интересов разных участников оборота. В применении к потребительскому банкротству этот тезис приобретает еще более выраженное значение, поскольку имущественный конфликт здесь тесно сопрягается с защитой личности и семьи. Следовательно, вопрос о цели института должен решаться не в узком экономическом, а в конституционно-правовом ключе.

2. Конституционная коллизия между защитой кредитора и защитой должника

Проблема целеполагания в банкротстве гражданина является, по существу, проблемой конституционной коллизии. В процедуре сталкиваются, как минимум, два крупных массива ценностей. С одной стороны, это право собственности кредитора и связанный с ним интерес в получении исполнения, а также принцип устойчивости и предсказуемости гражданского оборота. С другой стороны, это достоинство личности должника, право на судебную защиту, принцип социального государства, а в ряде ситуаций - право на жилище и защита семьи и детства.

С методологической точки зрения ошибкой было бы признать любую из названных ценностей абсолютной. Абсолютный приоритет кредитора фактически превращал бы институт банкротства граждан в механизм легализованного разрушения минимальных условий жизни ради максимизации конкурсной массы. Абсолютный приоритет должника, напротив, вел бы к размыванию обязательственной дисциплины и к недопустимому обесценению права собственности кредиторов. Конституционно корректное решение заключается не в выборе победителя, а в выработке справедливого баланса, в рамках которого каждая из конфликтующих ценностей получает защиту в пределах, совместимых с сохранением другой.

Именно здесь целеполагание становится не отвлеченной теорией, а рабочим инструментом правоприменения. Пока не определено, в чем состоит нормативный смысл процедуры, невозможно ответить, какие ограничения действительно служат цели, а какие возникают по инерции института или по логике формального пополнения конкурсной массы. Так, ограничение распоряжения имуществом, обязанность полного раскрытия сведений, возможность оспаривания сделок, продажа активов, постпроцедурные запреты - все эти меры могут быть признаны

оправданными лишь постольку, поскольку они функционально связаны с конституционно допустимой целью и не выходят за пределы необходимого.

Характерно, что именно в делах о банкротстве граждан выявляется наибольшая чувствительность к ошибкам целеполагания. Если в корпоративной несостоятельности в центре обычно находится вопрос об экономической эффективности распределения и о судьбе бизнеса, то в потребительском банкротстве формально одинаковое решение может иметь принципиально разное конституционное качество в зависимости от того, насколько оно учитывает жизненную ситуацию конкретного должника. Продажа имущества, сохранение или утрата жилья, исключение либо невключение средств, необходимых для содержания детей, - все это показывает, что цель процедуры должна быть способна объяснить не только итог, но и допустимые средства его достижения.

3. Основные модели цели института банкротства граждан

В доктрине и судебном дискурсе можно выделить по меньшей мере три модели целеполагания банкротства граждан: санкционную, реабилитационную и смешанную.

Санкционная модель исходит из того, что несостоятельность гражданина должна прежде всего обеспечивать максимально возможную защиту кредиторов, а освобождение от обязательств представляет собой исключение, допустимое лишь после полного исчерпания имущественного ресурса должника и прохождения им жесткой процедуры проверки. В логике этой модели банкротство тяготеет к квазикарательному механизму: должник должен не столько восстановить экономическую самостоятельность, сколько понести допустимые правом последствия своей неплатежеспособности. При внешней привлекательности для кредиторского дискурса такая модель конституционно уязвима, поскольку легко трансформирует ограничения в самоценный инструмент давления и плохо согласуется с принципами достоинства личности и социального государства.

Реабилитационная модель, напротив, воспринимает институт банкротства как юридически организованный «второй шанс». Центральным в ней становится не извлечение максимальной имущественной выгоды, а создание возможности для добросовестного должника выйти из долговой безысходности и возвратиться к нормальному участию в гражданском обороте. Защита кредиторов в этой модели не устраняется, но ограничивается пределами реально доступной конкурсной массы и фильтром добросовестности. Достоинство такой конструкции состоит в ее более тесной связи с идеей социальной государственности, однако при недостаточно четких критериях добросовестности и соразмерности она может восприниматься как чрезмерно благоприятная для должника и снижающая уровень доверия к обязательствам.

Смешанная модель исходит из необходимости соединить оба подхода. В ее рамках банкротство гражданина рассматривается как процедура, одновременно направленная на реабилитацию добросовестного должника и на справедливое удовлетворение требований кредиторов в пределах, совместимых с сохранением конституционно значимого минимума прав должника и его семьи. Именно эта модель позволяет избежать крайностей. Она не превращает банкротство в санкцию за сам факт неплатежеспособности, но и не освобождает должника от необходимости добросовестного поведения и допустимых ограничений.

Для конституционно-правового анализа особенно важно, что смешанная модель не сводится к простой сумме двух целей. Ее нормативный смысл состоит в функциональной связи между ними. Реабилитация добросовестного гражданина невозможна без определенного уровня защиты интересов кредиторов, поскольку в противном случае подрывается легитимность самого института. В то же время защита кредиторов не может реализовываться средствами, разрушающими конституционное ядро статуса должника. Следовательно, соотношение реабилитационной и кредиторской целей следует строить не по модели абстрактного компромисса, а как внутренне взаимосвязанную конструкцию, проверяемую через требования необходимости, соразмерности и правовой определенности.

4. Российская модель и проблема нормативной неопределенности

Российское законодательство о банкротстве граждан формально содержит элементы обеих основных целей, но не формулирует их прямо и не раскрывает их соотношение. Освобождение гражданина от обязательств после завершения процедуры свидетельствует о наличии реабилитационной логики. В то же время архитектура главы X Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», ориентированная на выявление, инвентаризацию и реализацию имущества, а также на оспаривание подозрительных действий, демонстрирует устойчивую кредиторскую составляющую. Нормативная проблема заключается не в самом сочетании этих элементов, а в том, что закон не переводит их в категорию общего ориентира для правоприменителя.

Отсутствие ясно выраженной нормы о цели процедуры имеет несколько практических последствий. Во-первых, суду и управляющему фактически приходится реконструировать цель института из отдельных норм и судебных позиций, что само по себе снижает предсказуемость практики. Во-вторых, возникает риск подмены конституционно значимой цели частными целями отдельных процессуальных участников - например, стремлением к формальному наращиванию конкурсной массы без соотнесения с реальным экономическим эффектом и социальными последствиями. В-третьих, при отсутствии специальной законодательной нормы ослабевает требование связывать ограничения прав должника с проверкой их необходимости и допустимости.

Показательно, что именно в делах с минимальным имущественным потенциалом нередко проявляется разрыв между реабилитационной идеей и внутренней логикой процедуры. Авторская выборка завершенных дел о банкротстве граждан показывает, что значительная часть процедур проходит без спорного имущества, а вопрос о добросовестности должника в ряде случаев вообще не становится предметом самостоятельного судебного анализа, хотя именно он должен определять допустимость дальнейшего освобождения от долгов и интенсивность вмешательства. Такая конфигурация означает, что процедура порой движется по инерции установленной законом архитектуры, а не под воздействием четко артикулированной цели.

Нормативная неопределенность особенно заметна там, где требуется разрешать социально чувствительные коллизии. Вопросы о пределах обращения взыскания на единственное жилье, о судьбе остатка денежных средств после реализации ипотечного жилья, о сохранении средств на содержание детей, о допустимости специальных реабилитационных решений при споре с залоговым кредитором - все эти узлы разрешаются сегодня преимущественно за счет судебных правовых позиций, а не за счет прямо сформулированной законодателем конструкции цели и ее пределов. Это делает систему гибкой, но одновременно менее предсказуемой и более зависимой от качества мотивировки конкретного судебного акта.

5. Конституционные основания приоритета смешанной модели

Смешанная модель цели института банкротства граждан получает наибольшее обоснование именно в конституционно-правовой плоскости. Ее реабилитационный элемент опирается прежде всего на статьи 7 и 21 Конституции Российской Федерации. Принцип социального государства требует, чтобы правовая система не оставляла гражданина в положении пожизненной долговой зависимости, если его неплатежеспособность носит объективный характер и не сопряжена с доказанным злоупотреблением. Требование уважения достоинства личности исключает такую организацию процедуры, при которой имущественные интересы кредиторов достигаются ценой разрушения базовых условий человеческого существования.

Вместе с тем конституционный статус права собственности кредиторов, закрепленный в статье 35 Конституции Российской Федерации, не позволяет выстроить институт несостоятельности как односторонне благоприятный для должника. Кредитор вправе рассчитывать на коллективную и справедливую защиту своих требований в пределах конкурсной массы, а также на то, что правовая система не будет поощрять стратегическое уклонение от исполнения обязательств. Именно поэтому добросовестность должника и защита кредиторских интересов образуют не внешний предел реабилитации, а ее внутреннее условие.

Статья 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации играет в рассматриваемой конструкции системообразующую роль. Она требует, чтобы ограничение прав допускалось лишь в той мере, в какой оно необходимо для защиты иных конституционно значимых ценностей. Применительно к банкротству граждан это означает, что не только отдельные меры, но и само понимание цели процедуры должно отвечать конституционному тесту. Если цель формулируется слишком узко и кредитороцентрично, появляется риск оправдания практически любого вмешательства ссылкой на интересы конкурсной массы. Если же цель понимается только как освобождение добросовестного гражданина от долгов, возникает противоположный риск - обесценивание имущественных прав кредиторов и подрыв доверия к обороту. Смешанная модель позволяет избежать обеих крайностей, поскольку задает рамку для дальнейшей проверки средств через требования пригодности, необходимости и справедливого баланса.

Конституционно предпочтительный характер смешанной модели подтверждается и развитием правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации. В жилищных, семейных и иных социально чувствительных узлах Суд последовательно исходит из того, что защита кредитора не может быть реализована ценой полного игнорирования минимального стандарта прав должника и его семьи. Вместе с тем позиции КС РФ не создают абсолютных иммунитетов, а, напротив, строятся на логике баланса и сораз-

мерности. Это означает, что для конституционного правосудия сама идея сочетания защиты кредитора и реабилитации должника является внутренне оправданной; спорным остается лишь вопрос о качестве нормативного и практического воплощения такого сочетания.

6. Эмпирическое измерение проблемы целеполагания

Теоретическая постановка вопроса о цели института получает дополнительную убедительность, когда сопоставляется с эмпирическим материалом. В авторской аналитической выборке завершенных дел о банкротстве граждан количественно обработанная часть массива показывает, что 43,5% процедур укладывались в срок от четырех до восьми месяцев, 25,9% дел длились от девяти до двенадцати месяцев, а 30,6% процедур выходили за этот предел. При этом в 71,8% дел спорное имущество отсутствовало, тогда как торги вводились в 14,1% случаев, а вопрос об оспаривании сделок специально поднимался лишь в 4,7% дел.

Сам по себе этот материал не свидетельствует о «неправильности» существующей процедуры. Однако он выявляет важный структурный момент: даже в ситуации, когда имущественный потенциал дела невелик, внутренняя логика процедуры продолжает тяготеть к поиску актива и к использованию стандартного набора ограничений, тогда как вопрос о добросовестности должника и о реабилитационном смысле процедуры нередко остается на втором плане. Иными словами, отсутствие четко артикулированной цели института сказывается не только в теоретической плоскости, но и в повседневной судебной работе.

Особенно показателен этот вывод в тех делах, где впоследствии возникают жилищные или семейные узлы. Если на начальной стадии процедуры ее нормативная цель не понимается как сбалансированная, то и дальнейшие решения нередко строятся в логике формального примата имущественного результата. Между тем именно в делах о банкротстве граждан такая логика конституционно уязвима: здесь цена ошибки измеряется не только неравномерным распределением имущественных потерь, но и вмешательством в социально значимые права.

Следовательно, эмпирический материал подтверждает главный тезис статьи: вопрос о цели института банкротства граждан не сводится к понятийной аккуратности. Он имеет прямое значение для организации всей процедуры, для выбора между реабилитацией и ликвидацией, для оценки допустимости ограничений и, в конечном счете, для качества судебной мотивировки.

7. Необходимость законодательного закрепления цели института

С учетом изложенного представляется оправданным вывод о необходимости прямого нормативного закрепления цели процедур, применяемых в деле о банкротстве гражданина. Размещение такой нормы в статье 213.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» представляется наиболее логичным, поскольку именно эта статья задает вводный контур всей главы X и способна выполнять функцию общего ориентира для правоприменения.

Предлагаемое решение состоит не в декларативном повторении общих доктринальных формул, а в закреплении такой нормы, которая бы связывала целеполагание с пределами допустимых средств. В содержательном плане соответствующее положение может быть выражено следующим образом: процедуры, применяемые в деле о банкротстве гражданина, направлены на социально-экономическую реабилитацию добросовестного гражданина и на справедливое, соразмерное удовлетворение требований кредиторов в пределах конкурсной массы; ограничения прав гражданина и иные последствия процедуры допустимы лишь постольку, поскольку они необходимы для достижения указанных целей и не затрагивают конституционно гарантированный минимум жилищных, семейных и иных социально значимых прав.

Достоинство такой формулы заключается в ее операциональности. Она не исключает ни одну из действующих целей института, но переводит их в режим взаимосвязи и одновременно указывает на конституционные пределы вмешательства. Для суда это означало бы необходимость прямо соотносить конкретную меру не только с текстом закона, но и с целью института. Для финансового управляющего - обязанность оценивать разумность спорных действий не через формальный критерий потенциального пополнения конкурсной массы, а через их связь с общей логикой процедуры. Для кредиторов - более предсказуемую рамку того, какие ограничения и какие меры могут считаться допустимыми. Для должника и его семьи - укрепление гарантий против несоразмерного и немотивированного вмешательства.

Разумеется, сама по себе такая норма не устранит всех проблем правоприменения. Она не заменит ни судебных разъяснений, ни качественной работы с доказательствами, ни дальнейшей кодификации наиболее конфликтных узлов. Однако отсутствие специальной нормы о цели института сегодня создает базовый дефицит правовой определенности. Поэтому ее законодательное закрепление следует рассматривать как необходимый первый шаг к более целостной конституционно ориентированной модели банкротства граждан.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать несколько взаимосвязанных выводов.

Во-первых, банкротство гражданина представляет собой институт на стыке частного и публичного права, поэтому вопрос о его цели не может решаться только в логике конкурсного распределения имущества. Процедура затрагивает конституционно значимые права и блага, а потому нуждается в специальном режиме целеполагания и проверки допустимости ограничений.

Во-вторых, в сфере банкротства граждан сталкиваются по меньшей мере две равнозначно значимые группы ценностей - имущественные права кредиторов и права должника, включая его право на достойные условия существования, судебную защиту, а в ряде случаев также жилищные и семейные гарантии. Ни одна из этих групп не обладает абсолютным приоритетом, что требует построения модели справедливого баланса.

В-третьих, из возможных моделей цели института - санкционной, реабилитационной и смешанной - наибольшей конституционной убедительностью обладает смешанная модель. Она позволяет соединить реабилитацию добросовестного должника и справедливую защиту прав кредиторов, не превращая ни одну из этих задач в подавляющий центр всей процедуры.

В-четвертых, российская модель банкротства граждан уже фактически строится на сочетании реабилитационной и кредиторской логики, однако закон не закрепляет это сочетание как ясный нормативный ориентир. Такая неопределенность ослабляет правовую определенность, затрудняет выработку единообразных критериев и увеличивает риск смещения процедуры в сторону формального пополнения конкурсной массы.

В-пятых, прямое закрепление цели процедур, применяемых в деле о банкротстве гражданина, в статье 213.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» представляется обоснованным и практически значимым. Такая норма способна усилить предсказуемость правоприменения, дисциплинировать судебную мотивировку и сделать более очевидной конституционную связь между целями процедуры и допустимыми средствами их достижения.

Тем самым целеполагание института банкротства граждан должно рассматриваться не как факультативная доктринальная тема, а как центральный элемент конституционно-правовой архитектуры процедуры. Именно через правильное определение цели становятся возможными дальнейшие ответы на вопросы о соразмерности ограничений, о стандарте добросовестности и о пределах защиты семьи и жилья в делах о банкротстве граждан.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом последующих поправок).

[2] О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ.

[3] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2005 г. № 12-П.

[4] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2021 г. № 15-П.

[5] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2022 г. № 15-П.

[6] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2024 г. № 11-П.

[7] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2024 г. № 28-П.

[8] О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 45.

[9] О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 48.

[10] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 40.

[11] Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 июня 2025 г.

[12] Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. Т. 1. М., 2020.

[13] Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики: развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда РФ. М., 2004.

[14] Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011.

[15] Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2008.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (subject to subsequent amendments).

[2] Insolvency (bankruptcy): Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002.

[3] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 19, 2005 No. 12-P.

[4] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 26, 2021 No. 15-P.

[5] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 14, 2022 No. 15-P.

[6] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 19, 2024 No. 11-P.

[7] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 4, 2024 No. 28-P.

[8] On certain issues related to the implementation of procedures applied in cases of insolvency (bankruptcy) of citizens: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 13, 2015 No. 45.

[9] On some issues related to the peculiarities of the formation and distribution of the bankruptcy estate in cases of bankruptcy of citizens: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 48.

[10] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 17, 2024 No. 40.

[11] Review of judicial practice in bankruptcy cases of citizens: approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation June 18, 2025

[12] Avakyan S. A. Constitutional law of Russia: training course: in the 2 of Comrade T. 1. M., 2020.

[13] Hajiyev G. A. Constitutional principles of a market economy: development of civil law foundations in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. M., 2004.

[14] V. Zorkin. Constitutional and legal development of Russia. M., 2011.

[15] Lazarev L. V. Legal positions of the Constitutional Court of Russia. M., 2008.

